

УДК 398.2:94(470+571)''1941/1945''(045)

*А.Ф. Лицарева***КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

В статье рассматривается категория времени на материале нарративов о Великой Отечественной войне. Приведены основные определения категории времени, важные для ее интерпретации в устных рассказах. Представлены случаи разного восприятия времени в критических ситуациях, имеются отсылки к фольклорному восприятию времени. Жизнь в сознании рассказчиков, перенесших Великую Отечественную войну, как правило, разделяется на три этапа: до войны, во время войны и после войны. Иногда жизнь четко делится на две части: до войны и после ее начала. Таким образом, в воспоминаниях о прошлом война становится важнейшим событием, своего рода границей для участника или свидетеля военных действий. В повествовании рассказчик восстанавливает хронологическую последовательность событий, часто без ретроспекции, иногда использует приём ретардации: идёт детальное описание летящего снаряда, поля боя. Обычно на войне время замедляется или убыстряется в критические минуты, секунды, при ожидании. Выводы сделаны на материале рассказов о войне, в том числе литературно отредактированных, а также непосредственно записанных во время интервью с ветеранами и расшифрованных впоследствии с диктофона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; устные рассказы; категория времени; хронология войны; фольклор.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-939-947

В последние десятилетия возрос интерес к устным рассказам о Великой Отечественной войне, что связано с приравниванием многими исследователями значения живых голосов свидетелей военных событий к документальным источникам.

Одним из важнейших аспектов анализа художественного текста является категория художественного мира. Особое восприятие реальности характерно для воспоминаний о Великой Отечественной войне. Цельность картины мира в рассказах очевидцев обусловлена единством общей судьбы, принадлежностью к одной культуре и сходными обстоятельствами бытования текстов воспоминаний в типичных коммуникативных ситуациях. Особое место в ней занимает категория времени. Она рассмотрена в работе преимущественно на материале записей из личного архива и воспоминаний, опубликованных в периодических изданиях. В качестве примеров приводятся также литературно обработанные авторами или составителями тексты: публикации в сборниках, журналах, художественной литературе. Помимо этого для анализа используются устные рассказы, записанные А.Ф. Лицаревой в разные годы, в т. ч. во время фольклорных и диалектологических экспедиций филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (несколько сотен полноценных интервью), записи из архива фольклорных экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (АКФ). Использование подобного корпуса текстов обосновано тем, что нами выделены повторяющиеся или сходные мотивы, сюжеты, образы, непосредственно связанные с понятием «время». Категория *времени*, как и *пространства*, неотделима от человеческого сознания, важна для специалистов из разных областей, в т. ч. для философов, литературоведов, лингвистов, фольклористов. В связи с этим исследователи рассматривают *хронотоп*, используя термин, созданный А.А. Ухтомским в контексте физиологических исследований и затем введенный М.М. Бахтиным в гуманитарную сферу, прежде всего – литературоведение. Категория художественного времени связана с художественным текстом и авторским восприятием происходящих действий.

Ранее категория *времени* не рассматривалась применительно к устным рассказам. В данной статье время, как правило, субъективно и показано через восприятие участника событий. Время замедляется при ожидании помощи, освобождения, победы, во время нахождения на оккупированной или находящейся в блокаде территории. Ускоряется оно при отправлении на фронт, встречах с близкими, подготовке к бою.

Методологической базой исследования послужили сравнительно-исторический, структурный и типологический методы, метод сравнения вариантов. На методическом уровне использованы приемы систематизации и анализа фольклорной прозы.

Г.И. Власова в статье «Устные рассказы о войне» пишет о правомерности отнесения поствоенного мемуарного материала к разновидности устной народной прозы, потому что важен «записанный спустя годы со дня той Великой войны, в памяти ее участников сохранены до мелочей исторические факты, обрастающие признаками фольклорных произведений на уровне сюжетно-композиционном, языковом, предметно-изобразительном» [5, с. 171–172]. Устные рассказы, по мнению А.В. Гончаровой [7], являются не меморатами и не фабулатами в том значении, которое им придают исследователи традиционного фольклора, а особой категорией, т. к. время их фиксации существенно отделено от времени событий, описанных в тексте. И всё же структура художественного времени в устных рассказах о войне зачастую напоминает типичную для фольклорных текстов. Время фольклорное – «одна из универсалий в фольклоре, связанная с восприятием мира и принципами его изображения» [6, с. 45].

Очевидцы военных событий, будучи во многом представителями традиционной культуры, являли собой единство иного порядка – они были советскими людьми. В их представлении прошлое обесценено по сравнению с будущим. Это связано с коммунистической идеологией – образом рая на земле и мифологемой большой семьи. «В мире бесконечного "братства" смена поколений не имела принципиального значения, не было "до" и "после", существовало только "сегодня"» [13, с. 76].

Для авторов воспоминаний война становится самым ярким событием жизни, временной границей. Четыре года оказываются равными по протяжённости десятилетиям мирной жизни (или доминируют над ними). Рассказчики отмечают, что при вторжении врага на территорию Советского Союза происходит единение народов, встающих на защиту Родины, все силы воюющих на фронте и работающих в тылу отданы одной цели – приближению победы. Бойцы думали не только о своих семьях, но и верили, что новое поколение будет жить в мирное время. Поэтому образ будущего был конкретизирован и сведен до представления о Победе. Недаром конец войны оказывается той реальностью, которую ожидают, вслушиваясь в приметы, узнать о которой стремятся (в гаданиях, во сне), которую приближают (совершая ритуалы). Будучи испытанием для каждого, война во многом скорректировала и изменила идеологические установки, заставила возвратиться к традиционным ценностям. Рассказы о ней, будучи ценнейшим опытом, в т. ч. с точки зрения моральных испытаний и утверждения жизненных ценностей, становятся частью истории семьи. Таким образом, можно отметить также категорию времени, выделяемую при бытовании текстов о войне в рамках семьи. «"Война имеет определённые временные рамки и в их пределах воспринимается как "испытание" для семьи, пребывание в ином качестве и в сфере непосредственного соприкосновения со смертью. У абсолютного большинства семей есть детализированные мемораты о "первом" и "последнем" днях войны, которые фиксируют границы инобытийного существования» [21, с. 83]. Участники войны нередко вспоминают о наиболее ярких, судьбоносных, переломных ее моментах. И в этих рассказах выделяются повторяющиеся моменты. В целом, «категория времени является универсальной и многоаспектной» [27, с. 132].

Время жизни в сознании рассказчиков, перенесших Великую Отечественную войну, разделяется на три этапа: до войны, во время войны и после войны. Они необходимы для конкретизации события, когда важно указание на давно прошедшее время, а не точная дата. Война может разделять время жизни и на две части, «причём только "новый" опыт представляется личности ценным» [17, с. 125]. Но порой память о счастливой семейной жизни до войны, планах, мечтах оказывается ярче памяти о войне, отнявшей родных, друзей. «Осознание времени сопряжено не только с жизненными прагматическими установками, но и с духовной деятельностью, определяющей стремление человека познать смысл жизни и попытаться объяснить мир» [4, с. 34].

На войне граница между жизнью и смертью кажется более зыбкой. «Подобно пространству, время наделяется семантикой, сакрализуется и включается в систему ценностей, главными координатами которой являются жизнь и смерть» [26, с. 450]. В целом остается важным восприятие событий очевидцем или рассказчиком. Так, «время биографических эссе поддается измерению, но репрезентация временного континуума зависит от степени авторской субъективности. Если автор хочет звучать максимально объективно, он прибегает к точному указанию дат, периодов времени, в то время как оценочные суждения сочетаются с приблизительными временными референциями» [10, с. 350].

Сама война мыслится авторами воспоминаний как *время, наполненное особым содержанием*. Это период нравственно очищающих испытаний. «Начало войны маркировано в рассказах как резкий переход от одной жизни к другой» [1]. Неосведомленность о предстоящих событиях компенсируют усвоенные из фольклорной традиции свидетельства о предсказаниях, предзнаменованиях войны. В отличие от фольклорной традиции, время аксиологически неоднородно (и это не просто представле-

ния о золотом, серебряном и железном веках). Большинство рассказчиков отмечает, что народ почувствовал себя одной большой семьёй, объединившейся перед лицом врага. Поэтому частотны воспоминания, как с односельчанами и беженцами делились последним. «Во время войны отношения людей между собой были очень дружественными, доброты друг к другу было больше, чем сейчас. Мы не верили, что когда-нибудь досыта наедемся картошки, хлебушка, каши» [3, с. 141].

Участники войны часто дают оценку эпохе, на которую пришлось их молодость, сравнивают с современностью. «По контрасту с военным периодом и с настоящим временем жизнь 1950–1970-х гг. в семейных рассказах предстаёт большей частью в идеализированном виде. Современные информанты всех возрастов, осознавая себя живущими в "тяжёлые времена", склонны воспринимать, как минимум, три десятилетия (1955–1985) почти "безоблачными"» [20, с. 311].

Многое из не поддающегося оценке рациональным сознанием связано с категорией темпоральности. Во время войны, по мнению очевидцев-рассказчиков, время текло неравномерно. Оно могло убыстряться и замедляться, как в сказках и песнях. «В психологии восприятия известен феномен "ускорения времени"», который заключается в том, что с возрастом человеку начинает казаться, что время «бежит» быстрее, чем это происходило в молодости» [18, с. 6].

Один из наиболее распространенных приемов художественной трансформации временных параметров – сжатие и растяжение времени. Порой это заставляет рассказчика обратиться к категории чудесного. Так, он порой не помнит, сколько времени прошло от одного события до другого. При описании битвы время может замедляться, а может сражение проходить, как в сказке, быстро: в два счёта герой с товарищами расчищает местность от врагов. Обычно на войне время замедляется в критические минуты, секунды. Есть прецеденты тому и в фольклоре. В былинах же «тормозится время описанием силы богатыря и силы его врага, описанием учтивости богатыря, предостережений богатырю и т. п.» [15, с. 234]. Здесь речь идет также о приеме ретардации, когда читатель вместе с персонажем преодолевает некоторое расстояние за то время, пока автор описывает его внешность, характер, вспоминает какой-нибудь эпизод из его жизни.

Как говорилось выше, в картине мира советских людей во время войны время может оказаться не объективной, а субъективной категорией. «В августе 1943 года в районе Северного Донца мне довелось увидеть снаряд в полёте, причём не как-нибудь, а с торца. Снаряд прошил в сантиметрах от моей головы, и я ясно увидел его в форме детского мячика. Это **мгновение** показалось мне очень даже **продолжительным**...» [16, с. 24]. При замедлении времени посторонние звуки отходят на второй план. Восприятие чаще всего сосредоточено на звуке неумолимо приближающегося снаряда. При ожидании (особенно в темноте, когда слух обостряется) время замедляется и тишина становится невыносимо звучащей. «На что уж лют **фашист-вражина**, а и тот опешил, замолчал. Ни одного выстрела не раздалось. **Тишина** наступила такая, что в ушах зазвенело. Только и слышались шаги одинокого человека, еле различимого в сумерках. **И длилось это, казалось нам, целую вечность. А прошло каких-то всего несколько минут**» [24, с. 150]. Замечено, что время в первом бою растягивается, и кажется, что прошло уже немало часов, когда счёт идёт на минуты.

В повествовании рассказчик обычно восстанавливает хронологическую последовательность событий, без ретроспекции. Это типологически объединяет данные рассказы со сказкой. «Время в сказке всегда последовательно движется и никогда не возвращается назад. Рассказ всегда подвигает его вперёд. Вот почему в сказках нет статических описаний» [15, с. 226]. В то же время в воспоминаниях фронтовиков используется приём ретардации. Время замедляется – мгновенья, секунды, минуты, часы. И идёт детальное описание летящего снаряда, поля боя, стрелки часов. Изменение течения времени спасает жизнь бойца.

Перемещением во времени объясняют очевидцы случаи чудесного спасения. Солдату, единственному прошедшему через обстреливаемое поле, казалось после молитвы, что он снова стал ребёнком и бежит к часовне, которой во времени военных событий уже не было. Аналогично можно интерпретировать случай с лётчиком, барражировавшим вокруг давно не существующего купола церкви, что спасло ему жизнь, т. к. враг не смог прицелиться. Чапаев, Суворов или другой любимый в народе персонаж является **из другого времени**, чтобы поддержать бойцов. Нередко изменение времени происходит во сне или в состоянии оцепенелости, когда смещены границы происходящего наяву и в воображении.

Особенность темпоральной характеристики – внезапность. Сама война для многих была как гром среди ясного неба. Действия порой менялись молниеносно. Населённые пункты переходили из рук в руки. Главная характеристика наступления армий и партизанских вылазок – внезапность.

Например, неожиданное наступление наших войск спасло священника Илию Богданова. *«Священник скрывался в лесу неделю, а затем был арестован, успев спрятать церковные вещи в снегу и таким образом спасти их. Проводивший допрос батюшки немец кричал ему: "Ты пастор, русский пастор уехал в Плескау, а ты пастор – партизан. Почему не уехал?" Я ответил: "Пастор не должен уезжать никуда от своих пасомых". – "Кто тебя держал?" Я ответил: "Пастырский долг службы. Где верующие, там и я". Он плюнул мне в лицо и с патрулем отправил к коменданту, который находился в следящем окопе и уже ложился спать, только на ломаном русском сказал: "Утром в 5 часов – пух-пух!". Священника закрыли в сарае, но ночью советские войска освободили его и, таким образом, спасли от расстрела»* [11, с. 59]. Вот ещё несколько примеров чудесного спасения. *«Плакали, молились, стояли, обнявшись семьями, и надеялись на чудо. И чудо свершилось! Не успели нас фашисты сжечь. Неожиданно завязался бой на окраине деревни, кто-то открыл сарай и выпустил нас. А навстречу бегут наши родные русские солдаты. После боя снег в деревне стал красным от крови»* [8, с. 121]. Появившиеся в последний момент бойцы Красной Армии спасли жителей деревни от поджога. *«Сидим в страхе, в окне мелькнули какие-то тени. Всё, пришёл нам конец. Громкий стук в дверь. Кто-то вошёл в коридор. Раздался плач. Все стали выскакивать. А это наша разведка, она нас в последнюю минуту и спасла»* [9, с. 20]. Неожиданным было и появление чудесного помощника.

Мгновенно драматические ситуации меняются в реальности снов рассказчиков. Но иногда (обычно если речь идёт о падающем снаряде) время замедляется и во сне. *«И вот снится мне, что я в Германию приехал, хожу по Берлину, а вокруг, естественно, немцы – пальцем на меня показывают и о чём-то переговариваются. Просыпаюсь и действительно слышу немецкую речь. Рассвело, в открытую дверь и короб вентиляционный в потолке – солнце полосами. А снаружи немцы разговаривают приглушённо. Кое-кто тоже проснулся – головы подняли, прислушиваются. Вот тут всё и произошло. Время вдруг страшно замедлилось. Тело у меня словно ватное стало. Смотрю – из вентиляционного короба показались гранаты. Летят одна, другая, третья – медленно, словно их на верёвочке опускают, только верёвочки никакой нету. Падают они, но медленно-медленно! Вращаются, поблёскивают, зелёные, с длинными деревянными ручками – на всю жизнь перед глазами. Я как заворожённый смотрю и думаю: конец тебе, голубчик. Но спокойно как-то так думаю, без тоски или паники. А они всё падают и падают. Ну, сколько гранате падать два с половиной метра? Секунду? А они минут десять падали, я даже устал смотреть. И тут тело моё отошло, я почувствовал, что могу двигаться, и я отвернулся, сжался в комок, в ветошь зарылся, хоть какая защита – ветошь. Закрыв глаза и жду, а взрыва всё нет и нет. Я даже подумал: надо встать да выйти из землянки. И тут как рванёт – один взрыв, второй, на третьем я сознание потерял»* [16, с. 23].

Аналогичные переживания времени описываются и в воспоминаниях людей, участвовавших в военных атаках. Под воздействием мига многое меняется в восприятии человека: мог убить, погнать, пожалеть врага... Вот пример рассказа о спонтанно возникшей жалости к врагу, который вначале сравнивался с нечистым животным.

«А тут наступление наших. И мы вместе с ними – вперёд. Немцы, как тараканы, разбегались по сторонам. И вдруг моё внимание привлёк немец. Он тяжело бежал впереди танка, то и дело оглядывался назад. Я слегка сбавил скорость и всё смотрел в смотровое стекло на эту высокую сухощавую фигуру немца. В одно мгновение вспомнил я отца, такого же вот высокого и худого. Немец, видимо, выбился из сил, остановился, бросил оружие, повернулся ко мне лицом, руки вверх поднял. И я увидел его старое лицо. И такая тоска сжала сердце – не мог я по нему проехать. И метрах в трёх – четырёх резко отвернул танк в сторону.

Часто вспоминаю лицо этого немца. Кто знает, может быть, этот старик не по своей воле пошёл на войну» [25, с. 46].

Порой важен в воспоминании сам факт произошедшего, имеющий эмоциональную наполненность. Рассказчику представляется необязательным локализовать событие в пространстве и времени. *«Событие субъективно существует "вневременно"»* [17, с. 128].

Приметой приближения смерти считаются остановившиеся часы – символ времени. После того как привычный ход времени возобновляется, часы могут заработать. Святитель Николай является одним из героев-помощников в устных рассказах о войне.

«– **Остановилось время**, – кисло произнёс офицер. **Стали часы** – завести забыл. Да какая теперь разница, всё равно уйти не дадут. Вон как из орудий садить стали.

<...> Александр ... отчётливо услышал хруст снега. Резко обернулся.

Полям, между воронками, шёл человек. Невысокий. Сутулый, в брезентовой бурке с капюшоном. В таких бурках раньше ходили полевые объездчики. Он подошёл прямо к воронке. Склонился над Александром:

– **Разбуди товарищей и переведи их в другую воронку, пока затишье.**

<...> Ползли медленно, сберегая силы. Один раз снаряд упал так близко, что комья земли густо застучали по спинам солдат.

Упали в старую припорошенную снегом воронку. Пришли в себя. Боец, успокаивая дыхание, спросил:

– Так что за обет, землячок, ты дал?

– Да вот дал я слово, что если спасусь по воле Господа, то стану священником.

... Били орудия. Сияла луна. Мороз продолжал крепчать... И казалось, что эту ночь уже не пережить.

Их нашли на рассвете четвёртого дня. Наши пехотинцы в три волны прокатились по полю. Пожилой санитар вливал спирт в горло бойцу с раненым ухом.

– Дружок твой поди околел, – взглянул санитар на Александра.

– Его **небо отметило**. Он будет жить, – ответил солдат.

Санитар занялся Александром и привёл его в чувство.

Когда их тащили мимо знакомой воронки, Александр увидел, что от прямого попадания там погибли все. Взрыв разметал тела, и окровавленный офицер лежал, раскинув в стороны руки. Взгляд Александра упал на **часы** командира – красная секундная **стрелка мерно совершала свой ход...**» [12, с. 33–34].

В этом рассказе отмечено, что счёт порой идёт на мгновенья. Послушавшиеся слов святителя Николая были спасены. «Дело было в конце войны, когда наши войска стояли перед укрепленным районом Восточной Пруссии. Тогда явился **Святитель Николай** и повелел отслужить молебен перед началом штурма, предупредив, что иначе многие воины погибнут из-за неверия, а город так и не возьмут. Но начальники наши не послушались вразумления, повели войска в наступление. <...>. Я пошел проверять посты, после чего отошел в сторону от дороги, взглянул на небо – и остановился **как вкопанный**. **На небе явились славянские буквы**, которые не мог тогда прочесть, так как не знал славянского языка, разобрал только слово "**БОГ**". Это было какое-то озарение, я задумался о смысле бытия, о том, доживу ли до конца войны, о том, что меня ожидает – и так простоял всю ночь, не замечая времени. <...> А на следующий день я действительно увидел смерть лицом к лицу. Пошел по делам в штаб, перекинул автомат через плечо, хотя обычно ходил с пистолетом. <...> Командир их вытащил пистолет, дал знак, чтобы остальные не стреляли, и начал прицеливаться. Тогда я изменил направление движения и начал удаляться от них, **каждое мгновение** ожидая выстрела. Еще подумал: "Не так смерть страшна, как плен, они ведь могут скрутить меня". **Вся жизнь прошла тогда передо мною, мышцы стали как каменные, казалось, что никогда не кончатся эти минуты**, пока шел под пистолетом, направленным в спину. Когда зашел за ближайшую сопку, рухнул на землю, думал, что ранен, но оказалось, от нервного напряжения» [11].

Мифические персонажи, приносящие дурные вести, в сходных ситуациях, описанных в сказках и в воспоминаниях участников войны, ведут себя одинаковым образом. Они неожиданно появляются и после выполнения своей функции исчезают. Запертая дверь в дом или закрытая дверца кабины машины – не помеха для их появления и исчезновения. Чудесный помощник – умерший предок, старушка или старец, святой или Богородица, ангел-хранитель – изображаются рассказчиками как внезапно появляющиеся и исчезающие видения. «Он появился как всегда **неожиданно** и, как всегда, **благоухающий и душистый**. И с такими же лучезарными глазами» [2, с. 428].

В госпитале время воспринимается авторами воспоминаний как уже позволительная роскошь. «На фронте существовала "**товарищеская исповедь**". <...> Люди в белых халатах подолгу просиживали у коек тяжелораненых. Ребята боялись умирать, ведь жизнь ещё только начинается... Посмотришь на доктора: он уже несколько суток не спал, сегодня сделал много сложных операций. И вместо того чтобы пойти отдохнуть, сидит и терпеливо слушает излияния солдата, у которого в тылу осталась любимая девушка, мама перебивается чёрствым хлебом в нетопленном доме или ма-

лолетние дети целыми днями смотрят в окно грустными глазами... И мало ли что ещё. Те из них, которые выжили, с благодарностью вспоминают этих людей. **Во время боевых действий солдаты не могли позволить себе такую "роскошь". Там время летело с невероятной скоростью, пули молниеносно поражали солдат. И они, падая, старались ухватиться за пробегающего мимо товарища, как за соломинку. "Браток, я умираю, прости меня", "... почему-то совсем не страшно", "...дойдите, освободите!", "...не говорите матери", "...я сделал много зла..." – тысячи солдат говорили подобные фразы в последний раз** [11, с. 73].

В романе А. Кузнецова «Бабий Яр» отмечено, что советская власть на Дону и на Украине приветствовалась далеко не всеми. На присоединенных к СССР перед войной западных территориях некоторые жители ждали немцев как избавителей, слишком поздно поняв, что «по сравнению с ними мирная жизнь была раем». В произведении отмечается, что для героя неожиданным и ошеломляющим была не столько перемена власти, сколько мгновенная смена сознания людей, точнее, неукорененность советской идеологии в системе их воззрений на мир: «Уже к моему возвращению в станицу никто не произносил слово "товарищ". Даже крестьянки на рынке величали покупателей сударынями и господами. А вместо "наши сдали такой-то город" говорили "русские сдали", "русских бьют" и т. п.

Лично меня такая **молниеносная трансформация советского сознания** возмущала. Ведь почти у каждого нашего жителя на фронте воевали отцы или братья (в нашем роду на фронте погибло семеро). А всего в трёхстах километрах от нашей станицы шли кровопролитные сталинградские бои» [14, с. 139].

Мемуаристы отмечают, что время как категория, определяющая успешность действий на войне, бесценно. «Ну, получалось так, что пока надо, там, протянуть провода, да еще телефоны были не слишком хорошие, чтоб сразу настроиться. А пока время идет. А на войне минута дорога. Да и немцы очень любили к проводам этим приставить свои аппараты и подслушивать всё. А были при штабе вот такие, как я, пацаны. И они что. Дают тебе бумагу, папиросную, на ней написан код, и вот приказы, куда что надо отдать, такие пацаны с этими бумажками бегали туда, на передовую, и отдавали. Вот такая связь была. Ну, вот, и одного прихватили немцы, разведка ихняя утащила. Я и говорю: ну, давайте я буду бегать. И я его заменил. Начал тоже таскать эти бумажки. А почему писали на бумаге тонкой, папиросной? Чтобы раз-раз в комочек, и проглотить обязан. Получилось так, что я бежал. У нас карты были, знали, где что находится. Тогда зима была, я в своих валенках еще с дома и в фуфайке. Я бежал, и немцы начали обстрел, минометный обстрел делать. У них хорошее было оружие, шестиствольные минометы. Там шесть стволов, и они сварены в кучу под определенным углом» [23].

Представления о времени и пространстве, реконструированные при анализе устных рассказов о войне, позволяют говорить об особой **картине мира**, свойственной носителям рассмотренных текстов. В ней «время способно сжиматься до мгновения полёта пули или разрыва снаряда и растягиваться с ожиданием победы» [22, с. 319–320]. Это объясняется тем, что время является субъективной категорией.

Таким образом, время, как и пространство, – основополагающая категория художественного мира. Оно имеет свою специфику изображения (отличие от реального времени) в нарративах различной жанровой природы. Это обусловлено не столько фольклорной моделью, лежащей в основе мемуаров, сколько общими представлениями о войне у тех людей, которые ее прошли и оставили о ней воспоминания. Следует отметить, что выделенные П. Ю. Повалко функции категорий времени (рассматриваемого исследователем вместе с категорией пространства в рамках хронотопа) в художественном тексте: онтологическая, антропоцентрическая, прагматическая, эстетическая, сюжетобразующая, символическая [19, с. 51–53] – логично вписываются в картину мира человека на войне. Причем наиболее значимыми, на наш взгляд, становятся онтологическая (влияет на целостное представление о мире), антропоцентрическая (часто повествование ведется от первого лица, слушателю и рассказчику оказываются важны мысли, чувства, действия героя, его восприятие действительности) и сюжетобразующая (от времени на войне может зависеть жизнь: насколько быстро пришла подмога, успел ли солдат быстро отреагировать на приказ или чувство необъяснимой тревоги, чтобы покинуть опасное место и т. п.) функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова В.В. «Детский взгляд» в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического нарратива // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova2.htm>
2. Безуглов А.Ф. Я хотел убить Сталина. М., Издание МАБ, 2005. 650 с.
3. Бердинских В.А. Народ на войне. Киров: Кировская областная типография, 1996. 336 с.
4. Бондаренко Е.В. Категория «Время» как параметр изучения языковой системы // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 34–38.
5. Власова Г.И. Устные рассказы о войне // Простор. 2013. № 5. С. 163–172.
6. Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Редкол.: К.П. Кабашников (отв. ред.) и др. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 478 с.
7. Гончарова А.В. Русский фольклор о Великой Отечественной войне: Учебное пособие. Калинин: КГУ, 1985. 77 с.
8. День Победы. Сост. А.П. Глазков. Смоленск: Государственное учреждение культуры «Смоленская областная детская библиотека имени И.С. Соколова-Микитова», 2005. 175 с.
9. Дети войны. 55 годовщине Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Сост. А.П. Глазков. Смоленск: СГПУ, 2000. 96 с.
10. Ефремова Д.А. Категория времени в биографических эссе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4-1. С. 346–352.
11. За веру и Отечество: Православный календарь, 2007. М.: Издательство Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. 400 с.
12. Калущкий В. Небо отметило // Духовно-нравственное воспитание, 2009. № 2. С. 33–34.
13. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 72–96.
14. Кузнецов А. Бабий яр. Роман. М.: Издатель – Захаров, 2005. 360 с.
15. Лихачёв Д.С. Поэтика художественного времени // Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: 1979. 360 с.
16. Ломтев А. Бег времени // Чудеса и приключения. 2009. № 6. С. 23–24.
17. Нуркова В.В. Сверхъестественное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
18. Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
19. Повалко П.Ю. Пространство и время как категории художественного текста. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. М.: Изд-во РУДН, № 3, 2016. 106–112.
20. Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
21. Разумова И.А. Семейные военные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Под ред. О.Е. Лебедевой и М.В. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 81–89.
22. Самоделова Е.А. Фольклор Великой Отечественной войны // «Идёт война народная...»: литература Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 319–375.
23. Семёнов Александр Фёдорович. Запись 2010 г. в ст-це Раздорской Усть-Донецкого р-на Ростовской обл. АКФ.
24. Слово гнева народного: Массовое поэтическое творчество партизан в годы великой Отечественной войны. Сост. и авт. вст. ст. А.И. Инчин; науч. ред. д. ф. н. Г.С. Сухобрус. Львов: Каменяр. 1981. 182 с.
25. Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сост. В.Н. Бекетова. Курган, Парус-м, 1994. 96 с.
26. Толстая С.М. Время // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 1. Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 448–452.
27. Туманова А.Б., Павлова Т.В., Зуева Н.Ю. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 131–138.

Поступила в редакцию 06.01.2023

Лицарева Александра Федоровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук,
кафедра русского устного народного творчества филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов
E-mail: alya-alya@yandex.ru

*A.F. Litsareva***THE CATEGORY OF TIME IN ORAL STORIES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-939-947

The article considers the category of time based on the material of narratives about the Great Patriotic War. The main definitions of time, important for its interpretation in the framework of oral narratives, are given. The cases of different perception of time in critical situations are presented, there are references to the folklore perception of time. Life in the minds of storytellers who survived the Great Patriotic War, as a rule, is divided into three stages: before the war, during the war and after the war. Sometimes life is clearly divided into two parts: before the war and after it began. Thus, the war becomes an important event, a kind of border for memories of the past of a participant or witness of military operations. In the narrative, the narrator restores the chronological sequence of events, often without retrospection, sometimes uses the technique of retardation: there is a detailed description of the flying projectile, the battlefield. Usually in war, time slows down or speeds up in critical minutes, seconds, while waiting. Conclusions are made on the material of stories about the war, including literary edited, as well as directly recorded during interviews with veterans and transcribed from a dictaphone.

Keywords: The Great Patriotic War; oral stories; category of time; chronology of the war; folklore.

REFERENCES

1. Baranova V.V. "Detskij vzglyad" v vospominaniyah o vojne: osobennosti avtobiograficheskogo narrativa ["Children's view" in memories of the war: features of the autobiographical narrative]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova2.htm> (In Russian).
2. Bezuglov A.F. *Ya hotel ubit' Stalina* [I wanted to kill Stalin] Moscow, Izdanie MAB, 2005, 650 p. (In Russian).
3. Berdinskih V.A. *Narod na vojne* [People at war]. Kirov, Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 1996, 336 p. (In Russian).
4. Bondarenko E.V. *Kategoriya "Vremya" kak parametr izucheniya yazykovoj sistemy* [The category "Time" as a parameter of learning the language system]. *Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'* [Bulletin of the RUDN, series Questions of education: languages and specialty], 2009, no. 2, no. 34–38. (In Russian).
5. Vlasova G.I. *Ustnye rasskazy o vojne* [Oral stories about the war]. *Prostor* [Space], 2013, no. 5, pp. 163–172. (In Russian).
6. *Vostochnoslavjanskij fol'klor: Slovar' nauchnoj i narodnoj terminologii* [East Slavic folklore. Dictionary of Scientific and Folk Terminology] Editorial board: K.P. Kabashnikov (editor) etc. Minsk: Navuka i tekhnika, 1993, 478 p. (In Russian).
7. Goncharova A.V. *Russkij fol'klor o Velikoj Otechestvennoj vojne: Uchebnoe posobie* [Russian folklore about the Great Patriotic War: A textbook]. Kalinin: KGU, 1985, 77 p. (In Russian).
8. *Den' Pobedy* [Victory Day] Compiler A.P. Glazkov. Smolensk: Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury "Smolenskaya oblastnaya detskaya biblioteka imeni I.S. Sokolova-Mikitova", 2005, 175 p. (In Russian).
9. *Deti vojny. 55 godovshchine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne posvyashchaetsya* [Children of war. Dedicated to the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Comp. A.P. Glazkov. Smolensk: SGPU, 2000, 96 p. (In Russian).
10. Efremova D.A. *Kategoriya vremeni v biograficheskikh esse* [The category of time in biographical essays]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences], 2014, no. 4-1, pp. 346–352. (In Russian).
11. *Za veru i Otechestvo: Pravoslavnyj kalendar' 2007* [For faith and Fatherland: Orthodox Calendar, 2007]. Moscow: Izdatel'stvo Podvor'ya Svyato-Troickoj Sergievoy Lavry, 2006, 400 p. (In Russian).
12. Kaluckij V. *Nebo otmetilo* [Heaven has marked]. *Duhovno-nravstvennoe vospitanie* [Spiritual and moral education], 2009, no. 2, pp. 33–34. (In Russian).
13. Klark K. *Stalinskij mif o "velikoj sem'e"* [Stalin's myth of the "great family"]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 1992. Vyp. 1, pp. 72–96. (In Russian).
14. Kuznecov A. *Babij yar. Roman*. Moscow, Izdatel' – Zaharov, 2005, 360 p. (In Russian).
15. Lihachyov D.S. *Poetika hudozhestvennogo vremeni* [Poetics of artistic time]. Lihachyov D.S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Ancient Russian literature]. 3-e izd. Moscow, 1979, 360 p. (In Russian).
16. Lomtev A. *Beg vremeni* [Running of time]. *CHudesa i priklyucheniya* [Miracles and Adventures], 2009, no. 6, pp. 23–24. (In Russian).
17. Nurkova V.V. *Svershyonnoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The Accomplished continues: The Psychology of the autobiographical memory of the individual]. Moscow, Izd-vo URAO, 2000, 320 p. (In Russian).
18. Nurkova V.V. *Istoriya kak lichnyj opyt* [History as a personal experience]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya*

- istorii [Historical psychology and sociology of history], 2009, no. 1, pp. 5–27. (In Russian).
19. Povalko P.Yu. Prostranstvo i vremya kak kategorii khudozhestvennogo teksta. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Space and time as categories of literary text]. Seriya: teoriya yazyka. Semiotika. Tekst. M.: Izd-vo RUDN, № 3, 2016. 106–112 p. (In Russian).
 20. Razumova I.A. Potayonnoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya [The secret knowledge of the modern Russian family. Mode of life. Folklore. History]. Moscow, Indrik, 2001, 376 p. (In Russian).
 21. Razumova I.A. Semejnye voennye rasskazy [Family military stories]. Fol'klor Velikoj Otechestvennoj vojny: Sbornik nauchnyh trudov. 60-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne posvyashchaetsya [Folklore of the Great Patriotic War: A collection of scientific papers. dedicated to the 60th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Edited by O.E. Lebedeva, M.V. Stroganov. Tver', Zolotaya bukva, 2005, pp. 81–89. (In Russian).
 22. Samodelova E.A. Fol'klor Velikoj Otechestvennoj vojny [Folklore of the Great Patriotic War]. «Idyot vojna narodnaya...»: literatura Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) ["There is a people's war ..."]. Literature of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, IMLI RAN, 2005, pp. 319–375. (In Russian).
 23. Semenov Alexander Fedorovich. Record of 2010 in the village of Razdorskaya Ust-Donetsk district of the Rostov region. AKF. (In Russian).
 24. Slovo gneva narodnogo: Massovoe poeticheskoe tvorchestvo partizan v gody velikoj Otechestvennoj vojny. [The word of the people's anger: Mass poetic creativity of partisans during the Great Patriotic War]. Comp. and auth. vst. art. A.I. Inchin; scientific ed., Ph.D. G.S. Suhobrus. L'vov: Kamenyar. 1981, 182 p. (In Russian).
 25. Spustya polveka. Narodnye rasskazy o Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 g.g. [After half a century. Folk stories about the Great Patriotic War of 1941–1945]. Comp. V.N. Beketova. Kurgan, Parus-m, 1994, 96 p. (In Russian).
 26. Tolstaya S.M. Vremya [Time]. Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tt. T.1. [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Vol. 1]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow, "Mezhdunarodnye otnosheniya", 1995, pp. 448–452. (In Russian).
 27. Tumanova A.B., Pavlova T.V., Zueva N.Yu. Kategoriya vremeni v sovremennoj nauke: analiz i interpretaciya [The category of time in modern science: analysis and interpretation]. Neofilologiya [Neophilology]. 2019. T. 5, no. 18, pp. 131–138. (In Russian).

Received 06.01.2023

Litsareva A.F. applicant on degree of Candidate of Philology
Department of Russian Oral Folk Art of the Faculty of Philology
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russia, 119991
Lomonosov Moscow State University, 1st Building of Humanities Faculties
E-mail: alya-alya@yandex.ru